

М. Ю. Медведев

СИМВОЛИКА СУЛТАНАТА СУЛУ: НАСЛЕДИЕ, КОНТЕКСТ, РЕФОРМЫ¹

Введение

Лет сто назад возникновение геральдики обычно связывали с восточным влиянием — прежде всего с впечатлениями, предположительно вывезенными из первого Крестового похода. Как показали последующие изыскания, геральдика и гербы (как социальный и вместе с тем иконографический феномен) явились на свет в качестве ответа на внутренние вопросы европейской цивилизации [Pastoureau 1993: 298–310].

Однако первые же опыты в этой области оказались востребованы исламскими соседями. Существование своеобразного мамлюкского извода геральдической традиции является весьма дискуссионным, но в основе своей несомненным фактом истории². Последующие события, завершившиеся падением Мамлюкского султаната, привели к упадку «собственной восточной» геральдики, которая возникла вновь уже в иных условиях — под влиянием непосредственной военной и политической экспансии Европы. Следует учитывать то, что не существует некоей единой европейской геральдики (несмотря на принципиальное единство, она воплощена в ряде существенно различных локальных геральдических традиций) и что установление геральдических практик

---

¹ Настоящая заметка по большей части написана с использованием материалов архива канцелярии Е.К.Выс. принца Муэдзула, правителя Сулу, и моих собственных рабочих материалов, включая находящийся «во младенчестве» официальный архив геральдической службы султаната. Я пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Е.К.Выс. принцу Муэдзулу и его канцлеру Дату А. Линхольму, а также секретарю совета Дату П. Мак-Клири.

² Тема широко обсуждалась в течение XX столетия, прежде всего в связи с нумизматическими памятниками [Mauey 1937]. В качестве труда, одновременно полемически ценного и подводящего итоги, может быть рекомендован труд Дж.У. Аллана [Allan 1970].

в колониях необязательно являлось простым экспортом и нередко было чутким к местным, коренным реалиям.

В конечном счете геральдика как не имеющая себе равных по «разработанности» эмблематическая система, вновь продемонстрировала готовность и умение служить совершенно разным культурам. И европейские носители гербовой традиции вновь — но теперь вне связи с колониальной или политической экспансией — имеют возможность оказаться востребованными далеко за пределами своего отечества.

Геральдическое окружение султаната

Ранние сведения о гербе Сулу отражают, по всей видимости, не таусугские реалии, а культуртрегерские опыты испанцев. Вероятно, таков был апокрифический герб короля-султана, зафиксированный в период управления Филиппинами доном Хуаном Сересо де Саламанкой (между 1633 и 1635 гг.) и затем как диковина представленный в Испании. К этому времени испанская геральдика уже утвердилась на Филиппинах — не только благодаря тому, что приезжие пользовались родовыми гербами, но и по мере наделения владений подобающими символами. Однако для самих Филиппинских островов не было изобретено никакого специального герба: принадлежность заморских земель Испании наглядно обозначалась использованием в качестве символа власти испанского королевского герба в одной из его обычных форм. Роль основного локального геральдического символа досталась гербу, пожалованному еще в 1596 г. «славному и неизменно верному городу» Маниле³.

Гербовый щит столицы Филиппин был⁴ двухчастным, пересеченным. Вверху в червленом поле располагался золотой трех-

---

³ Герб был утвержден королевской грамотой, подписанной Филиппом II в Аранхуэсе весной 1596 г. (титул был дарован городу еще в 1574 г.). Филиппинский исследователь П.И. де Хесус упоминает, что гербы Манилы, Липы и еще одного города были дарованы одной грамотой, но приводит ошибочную дату — 1592 г. [Jesús 1952: 67–68].

⁴ О гербе 1596 г. речь идет в прошедшем времени. Успешно пережив «американский» период и обретение Филиппинами независимости (гербы стали употреблять без короны над щитом, но, геральдически рассуждая, это не искажение,

Рис. 1. Герб Манилы. Эта ранняя публикация столичного символа Филиппин замечательна, в частности, множеством опечаток в тексте блазона («armado y tan passado de guias, que es Urias, y lengua de colorado» вместо «armado y lampas[s]ado de gules, que es Uñas, y lengua de colorado»)

а «сокращение»), в течение второй половины XX столетия манильский герб был заменен на городской печати гербовидной эмблемой, в которой очертания замка оказались переданы щиту, верхнее поле занято жемчужиной в раковине, лев потерял одну из лап, а внизу щита были добавлены волны (согласно официальному толкованию, речные, из устья Пасига). В свою очередь цветное изображение печати на американский манер вытеснило герб как самостоятельный символ из прочих сфер официального употребления. Велико искушение предположить, что герб не используется, но и не отменен. Однако действующий на Филиппинах режим использования официальной символики под контролем Национальной исторической комиссии, по-видимому, не позволяет считать старинный филиппинский герб сохраняющимся *de jure*.

башенный замок с лазоревыми воротами и бойницами — это герб Кастилии, приведенный как знак монаршей милости без каких-либо изменений. В нижней части щита в лазоревом поле был помещен серебряный с червлеными языком и когтями монстр — полулев, полудельфин⁵ — с мечом в правой лапе. Щит венчала королевская корона в архаичной «открытой» версии⁶. Описание герба специально указывало, что корона относится к верхней части щита, т.е. к кастильскому гербу⁷. И действительно, когда половины манильского герба изображались врозь, в отдельных щитах (например, на аверсе и реверсе поздней версии медных *барийяс*, чеканившихся с 1766 г.), лев-дельфин с мечом играл роль местного символа, а щит с замком — королевского, и корона доставалась именно ему.

Рис. 2. Барийя 1766 г.

Собственно геральдический анализ композиции довольно прост: двухчастный герб состоит из аугментации (почетного жалованного элемента) и подчиненно расположенного собственно

⁵ Речь идет об условном геральдическом дельфине, имеющем все отличительные особенности рыбы, в том числе чешую и веерообразные плавники.

⁶ Ее облик не был вполне постоянен, форма и количество зубцов менялись, отсюда предположения ряда авторов о том, что над манильским гербовым щитом последовательно изображались различные типы геральдических корон — маркизская, герцогская и т.д.

⁷ Как следствие возникла и некоторое время употреблялась ошибочная версия герба — с короной в поле щита непосредственно над замком. Другим еще более типичным искажением герба Манилы было превращение замка в одинокую башню, но это часто происходило с кастильским гербом и дома, на иберийской почве.

местного символа, корона над щитом — обычный атрибут кастильского муниципального герба.

Если рассматривать манильский герб как аллегория, выстроенную из символических составных элементов, он также поддается весьма простому толкованию: замок — вооруженный форпост европейской цивилизации, лев с мечом — рыцарство, его гибридизация с дельфином — заморское расположение Манилы относительно метрополии. Даже расположение замка и льва-дельфина в разных полях щита может представиться убедительным исходя исключительно из их символических свойств: они уравновешивают друг друга, воплощая благородные противоположности — незыблемость и победоносную стремительность.

Несколько сложнее окажется раскрытие той же аллегорической природы герба исходя из его геральдических составляющих. Присутствие герба Кастилии означает, как уже упоминалось, монаршую милость, но на нее же указывает и лев с мечом. Несмотря на разницу в расцветке, композиция явно перекликается с второстепенной (но весьма важной) деталью испанского королевского герба — его нашлемником: коронованным пурпурным львом, держащим меч и «выходящим» (т.е. видимым *наполовину*, по пояс) из-за стены золотого замка⁸. Помимо элементов, заимствованных из королевского щита (замок Кастилии, пурпурный лев Леона), здесь присутствует меч, поддающийся троякому толкованию: как знак суверенитета, воинской мощи и правосудия. Таким образом, мотивы королевской геральдики были отражены в обеих частях гербового щита Манилы.

В XVIII в. чеканка местной монеты наглядно отразила отсутствие территориального символа всех Филиппин. Уже упоминалось использование «разъятого» манильского герба на *барийе*

---

⁸ Нашлемник Кастилии и Леона в виде льва, выходящего из замка, был принят еще Иоанном II, ранее нашлемником кастильских королей был грифон. Меч — первоначальный атрибут льва в нашлемнике, корона не сразу стала стабильным элементом композиции. В левой лапе льва со временем появилась держава. Знаменитое полихромное изваяние, изображающее герб Филиппа II в эскориальской базилике, представляет кастильско-леонский нашлемник еще без державы, с португальским и арагонским нашлемниками — оба в виде драконов — по сторонам.

Нашлемники в гербе Филиппа II.
Базилика Эскориала

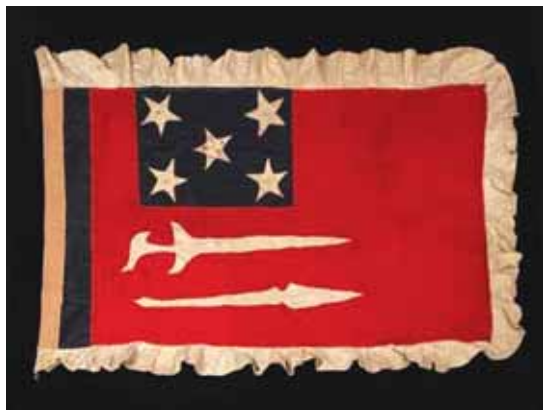

Герб департамента Минданао
и Сулу (1914–1920 гг.)

Герб Малайской Федерации
(с 1929 г.), впоследствии использовавшийся Малайским Союзом
и послуживший основой современного герба Малайзии

Флаг султаната Сулу («американская» версия) в собрании Исторического Общества Миссури. Сайт П. Падеу Royal Panji

Флаг султаната Сулу в собрании Флотского Музея в Мадриде.
Сайт П. Падеу Royal Panji

Современный флаг султаната. Рис. автора

Герб султаната Сулу. Полная версия большого герба. Рис. автора

Герб наследника Сулу. Рис. автора

Пример герба члена династии — принца, рожденного вне рода Кирамов и принятого в состав королевского дома через династическое усыновление.

Рис. автора

Пример акта пожалования герба

(в 1728–1766 гг. она несла герб Манилы в одном щите). На филиппинских *куартос* и *октавос* помещалась композиция со львом, держащим скипетр и меч над «глобусами», обозначающими полушария. Сегодня этот лев иногда бывает истолкован как специфически филиппинский знак, на деле же обсуждаемая композиция была предписана еще Филиппом V для общеиспанских мелких монет, от *куарто* до *мараведи*⁹.

Первая республика 1898–1901 гг. в качестве символа страны воспользовалась треугольником с изображением солнца (которое в свою очередь было эмблемой *Катипунана*) между тремя звездами, символизировавшими три архипелага. Очевидным было влияние масонской символики, а также переключки с некоторыми латиноамериканскими символами — прежде всего с треугольными государственными эмблемами Центральной Америки (в свою очередь, по-видимому, отразившими масонские стереотипы символики и декора). Помимо этого и треугольник, и три звезды были, по-видимому, связаны также с особой конспиративной системой, поначалу действовавшей в *Катипунане*. Расцветка и композиция были не вполне стабильными, на печати революционного правительства не было ни треугольника, ни трех звезд — только солнце. Филиппинское солнце в духе европейских геральдических традиций изображалось в этот период с человеческим лицом в диске.

В 1898 г. был установлен и флаг республики, весьма близкий к нынешнему. На нем желтые солнце и звезды были помещены на белом фоне. Это сочетание, аномальное для геральдики¹⁰, вполне допустимо во флажной практике.

Установление контроля США над Филиппинами привело не столько к влиянию североамериканской геральдики (в основе

⁹ Королевская грамота от 24 сентября 1718 г. [Трагеро 2007: 387].

¹⁰ В геральдическом плане такое сочетание цветов прочитывается как «золото в серебре» и противоречит так называемому основному правилу геральдики, регулирующему и ограничивающему некоторые цветовые сочетания в гербах. В мировой геральдике есть, однако, немало гербов, в которых это правило нарушено или обойдено. Знаменитым примером намеренно сохраненного помещения золотой фигуры в серебре является герб Королевства Иерусалимского. Курьезным совпадением можно считать то, что право на иерусалимские титул и герб имели испанские суверены Филиппин.

своей представляющей постколониальный извод английской традиции), сколько к импорту характерной для США упрощенной концепции официальной эмблемы, едко определенной Д'Арси Боултоном как *damnosa haereditas* [Boulton 2006: 121]. Суть этой концепции в том, что в роли универсального знака (территориального, муниципального, ведомственного, должностного и т.д.) обычно выступает *печать*, т.е. в действительности расцвеченная композиция печати, которая может при этом иметь как геральдическое (или квазигеральдическое), так и любое иное заполнение. Герб как таковой при этом может существовать и быть геральдически безупречным, но употребляется он, как правило, не сам по себе, а в составе эмблемы-«печати» (что в свою очередь означает отказ от стилистической вариативности, присутствие семантически тавтологических надписей и т.д.).

Герб Филиппин, установленный американской администрацией в 1905 г., никак не был связан с символами Первой республики. Он представлял собой гербовый щит США с гербом Манилы (слегка искаженным: замок оказался поставленным на линию деления) в сердцевом щитке. Фигурой нащлемника, изображенного на британский манер — без шлема — на серебряно-червленом бурлете, стал американский орел (орлан), на сей раз без своих обычных атрибутов. На ленте под щитом вместо девиза была помещена надпись «Philippine Islands»: деталь, с точки зрения классической геральдики неоправданно дублирующая сам герб.

Автором этого герба был Гэйлард Хант — сотрудник Госдепартамента и руководитель отдела рукописей в Библиотеке Конгресса. Хант заслужил репутацию эрудита-геральдиста, он опубликовал брошюру об истории печати и герба США и разработал гербы для территорий, переданных Испанией, он же в 1914 г. создал герб для департамента Минданао и Сулу¹¹.

---

¹¹ До создания департамента подобную роль локального символа играла композиция на печати провинции Моро — сложенные накрест тесак-барунг и крис, дополненные картографическим силуэтом провинции, изображением судна на волнах и полумесяцем как символом ислама. Собственно геральдического характера эта композиция не имела. Хант постарался перегруппировать некоторые элементы в созданном им гербе, в частности сохранил, поместив их в нащлемнике, скрещенные мечи, но с заменой барунга на кампиан. С геральдиче-

Филиппинское государство, провозглашенное в 1935 г., воспользовалось разработкой Ханта как основой, но изменило ряд деталей. Прежде всего большой щит был изменен для его уподобления филиппинскому флагу, а в манильском щитке серебряный лев-дельфин в лазури стал золотым в серебре, что также должно было перекликаться с желтыми фигурами и белым сектором на флаге. Так геральдически anomальное сочетание цветов окончательно утвердилось в гербе Филиппин.

В то же время герб, установленный для Верховного комиссара (High Commissioner) США на Филиппинах, был производным знаком от исходного манильского герба: верхняя половина щита была заполнена 13-ю полосами из герба США (без главы), в нижней был первоначальный серебряный лев-дельфин, в нашлемнике — американский орел с ветвями.

Лишь в 1943 г., с приходом японцев, манильский герб окончательно был вытеснен из филиппинского государственного герба изображением солнца (на этот раз без лица).

Версия, созданная для независимых Филиппин в 1946 г. членом Геральдической комиссии Гало Окампо и с некоторыми изменениями сохраняемая до сих пор¹², также лишена манильских элементов. Собственно, Окампо взял за основу контуры (не геральдическую структуру, но именно основные визуальные контуры) герба 1935 г., исключил нашлемник, а щит заполнил элементами, заимствованными с флага страны и из *периферийной* геральдической символики двух бывших метрополий (и орел, и лев — служебные элементы, щитодержатели, причем в случае с Испанией лев являлся к 1946 г. давно вышедшим из употребления щитодержателем).

скими цветами Хант обошелся вольно, так, золотую звезду с филиппинского флага он поместил в серебряном поле (таким образом открыв путь этому негеральдическому сочетанию цветов в гербовый обиход Филиппин), а рядом — золотой крест в золотом же поле.

¹² При Ф. Маркосе надпись-название в составе герба была заменена «настоящим» девизом. Это геральдически похвальное изменение оказалось связано в глазах филиппинцев с режимом Маркоса и вполне закономерно было отвергнуто после его падения. Сегодня Филиппины имеют официальный девиз, но в состав герба он не внесен. Другим геральдическим экспериментом Маркоса была попытка заменить льва-дельфина на орла в составе президентской эмблемы.

Вместе с тем тот же Г. Окампо предусмотрел использование «заморского льва» с мечом на эмблеме-печати президента. Кроме того, лев-дельфин с мечом или без него присутствует в роли общегосударственного символа в составе некоторых военных и правительственных эмблем и на филиппинских государственных наградах¹³.

Активно действовавшая в середине XX в. Геральдическая комиссия с вниманием отнеслась к гербовому наследию Филиппин, накопленному в колониальный период, и приложила усилия к его органичному развитию в новых условиях. Со временем, однако, геральдические тонкости стали забываться, некоторые знаки представились «слишком европейскими», и разнообразные местные гербы, первоначально принятые в строго (а иногда и нестрого) геральдическом духе, затем подверглись многочисленным изменениям, нередко спонтанным в итоге недостаточно тщательных перерисовок. Саму по себе концепцию местного герба в основном вытеснила идея эмблемы-печати. Так, провинция Сулу пользуется в качестве официального знака «сигиллоидом» с весьма свободной вариацией на тему гербового щита Минданао и Сулу работы Ханта. Все это можно было бы считать не кризисом, а — безоценочно — развитием или даже прогрессом, если бы не то обстоятельство, что место тонкой и сложной эмблематической системы и соответствующей ей графической культуры занимают упрощения и дезориентирующие маневры (такие, как превращение гербовой печати из носителя герба в основной знак). Уже в наши дни сказывается в полной мере один из злейших бичей современной геральдической графики — несовершенная векторизация. Вместе с тем геральдические традиции сохраняют важное место в филиппинской культуре, и наиболее ярким примером этого можно считать небезуспешное развитие католической церковной геральдики в стране.

Высказанные соображения ни в коей мере не должны рассматриваться как уничижительные для геральдики и символики Фи-

---

¹³ Еще одним прибежищем старинной столичной символики стали гербы корпораций, в частности Манильского архидиоцеза, где присутствуют те же основные поля и фигуры, но с подобающими изменениями, так, лев-дельфин в нижней части щита держит не меч, а крест (рис. 3).

Рис. 3. Герб Манильского архидиоцеза. Кастильский замок превращен в башню как символ твердыни Господней, три окна-бойницы (в духе жития св. Варвары) указывают на Триипостасность Божества, полумесяц — марианский символ.

Рис. автора

Рис. 4. Герб архидиоцеза Замбоанги. В его основе — та же семантическая игра, что и в манильском архиепархиальном гербе. Рис. автора

липпин. Все описанное вполне сопоставимо с бедами и успехами, выпавшими на долю геральдической традиции в ее колыбели — в Европе — на протяжении XX в., причем этот же процесс продолжается и сейчас, только основную оппозицию гербам образуют не эмблемы-сигиллоиды, а эмблемы-«лого» и те же гербы, но произвольно искаженные. Можно предполагать, что кризис передачи «геральдического предания» будет преодолен во всемирном масштабе и что геральдический потенциал, накопленный Филиппинами, окажется в полной мере востребован и развит в ходе международных культурных диалогов.

Возвращаясь к теме кризиса, приходится признать, что он сказывается и в тех соседних с Филиппинами странах, где геральдические премудрости были в свое время привиты британцами и голландцами. Например, герб Малайзии (преемственный к изящному и лаконичному гербу Малайской Федерации) претерпел сложную эволюцию и сейчас представляет собой смешение геральдически корректных и некорректных деталей, а официальное толкование герба Индонезии, придающее значение гербоведчески несущественным элементам, позволяет усматривать в этом символе скорее имитацию геральдики, нежели геральдику как таковую, по крайней мере в плане структуры знака. Вместе с тем герб Сингапура является хрестоматийным образцом геральдической безупречности, а герб Джохора заслужил широкую известность как остроумный и аккуратно сформулированный «исламский ответ» на символику Королевства Иерусалимского (при том что первоначальная версия джохорского герба, по-видимому, не подразумевала этого диалога вообще). Другой замечательной особенностью джохорской геральдики, давно и по достоинству оцененной геральдическими гурманами, является та степень условности, с которой корона султана (реальный объект) отражена в гербе. Эти и подобные им явления в геральдике Малайского региона придают ей особую ценность в международном контексте.

Исторические символы Сулу

Ранние сведения о том, каковы были символы султаната, относятся к XVIII в. Эти сведения касаются флагов, и когда изобра-

жения на этих флагах оказываются упомянуты как самостоятельные эмблемы, это следует воспринимать с осторожностью, с поправкой на стремление европейца-рассказчика приблизительно описать экзотические явления в привычных для него категориях (как в случае с путешественником-натуралистом П. Соннера, который в 1770-х годах счел эмблему на таусугском флаге султанским гербом).

Независимо от геральдической точности сообщения Соннера, оно, как и современное ему сообщение Т. Форреста, ценно как раннее свидетельство использования старейшей из известных нам эмблем Сулу: белого флага с изображением врат Мекки (согласно Форресту, врата были изображены красным цветом; Соннера не указал расцветку врат, но упоминал черную кайму флага)¹⁴. Трудями сардинского вексиллолога П. Паддеу¹⁵ выявлены эти и другие более поздние сообщения, показывающие, в частности, что белые флаги с красными вратами сохранялись и в XIX в., но использовались и другие, например красный с синей каймой. Говорит ли это о существовании изысканной и сложной системы флагов для разных случаев или же, напротив, о том, что флажная практика Сулу была нестабильна, остается неясным.

Сохранившиеся (прежде всего в собрании мадридских Музея Армии и Флотского Музея) экземпляры флагов, связанных с султанатом, в основном относятся ко второй половине XIX в. и являются собой примеры более позднего варианта флага Сулу — с красным или преимущественно красным полотнищем¹⁶. Среди

---

¹⁴ Различными авторами стилизация врат Мекки, употреблявшаяся на флагах и знаменах Сулу, интерпретировалась как изображающая в действительности резиденцию султана и даже могильные памятники правителей. Высказывались также предположения (основанные на экстраполяции последующих цветовых решений султанских флагов) о том, что черный цвет, упомянутый Соннера, был в действительности темно-синим.

¹⁵ URL: <http://www.royalpanji.net/index.html>, last accessed on the 21th of October, 2011. Пользуюсь случаем выразить признательность г-ну Паддеу за любезную помощь в поиске необходимых данных.

¹⁶ Некоторые из полотнищ в наши дни предстают выцветшими или, напротив, побуревшими, репродукции и перерисовки усиливают эффект искажения цвета. По-видимому, малиновые и сиренево-пурпурные цвета, приписываемые

изображений на полотнищах преобладают ворота Мекки в виде причудливо стилизованного портала, внутри которого обычно появляется некая фигура: чаще всего это круг¹⁷, но встречаются и Зульфикар (один из старейших исламских символов: имеющий два лезвия священный меч, боевой трофеей Мухаммада, переданный затем Али), и некое животное (тигр?). В качестве самостоятельного изображения встречаются тот же Зульфикар, водное и пернатое чудовища, крокодил, пожирающий жертву, человек во весь рост, крысы в ножнах и разнообразные орнаментальные мотивы. Для таких флагов типична полоса вдоль древка — чаще всего двойная, сине-белая, при этом нередко дополненная орнаментом (розетками, «лиственной» и др.). Особенно любопытен флаг, захваченный испанцами в 1887 г. и запомнившийся им как флаг острова Холо¹⁸. На полотнище этого флага — курьезное морское существо с продолговатой мордой и плавниками, которое (с поправкой на сильную стилизацию) может быть и дельфином или китом, и рыбой, и тюленем, и водным драконом, и иным легендарным чудовищем (*kurits?*), и, наконец, даже дюгоном.

Переход Сулу под контроль США привел к принятию совершенно нового флага, отчетливо подражающего американскому — красное полотнище с белыми силуэтами, предметами вооружения (чаще всего — горизонтально расположенные крис и копье, иногда — крис и копье накрест, барунг и крис накрест над копьем и т.д.)¹⁹ и с синим крыжом, в котором расположены пять звезд

флагам Сулу, не являются отдельными вариантами расцветки, и такие флаги могут быть отнесены к красным.

¹⁷ См. ил. 8. Известны попытки истолковать эту круглую фигуру как солярный знак, полную луну, жемчужину, как графический намек на святую Каабу и т.д. и даже как рецепцию образа земной сферы из испанской символики.

¹⁸ URL: http://www.royalpanji.net/flags_of_sulu_before_1899_-_part_2.html, last accessed on the 21th of October, 2011.

¹⁹ Сравнительно недавно было предложено толкование этих элементов, связывающее их с особенностями традиционного престолонаследия Сулу, которое предусматривало сохранение определенных прав за пределами королевского семейства Кирамов. В этом случае крис соответствует правам Кирамов, а копье — правам «альтернативной линии». Такое толкование недостоверно хотя бы потому, что ко времени появления данного типа флага ранние концепции уже уступили место линейной передаче престола, хотя и нарушавшейся (в 1862

(пять провинций султаната). Обычно на флагах этого типа появлялся и полумесяц со звездой, ранее нетипичный для флагов султаната²⁰.

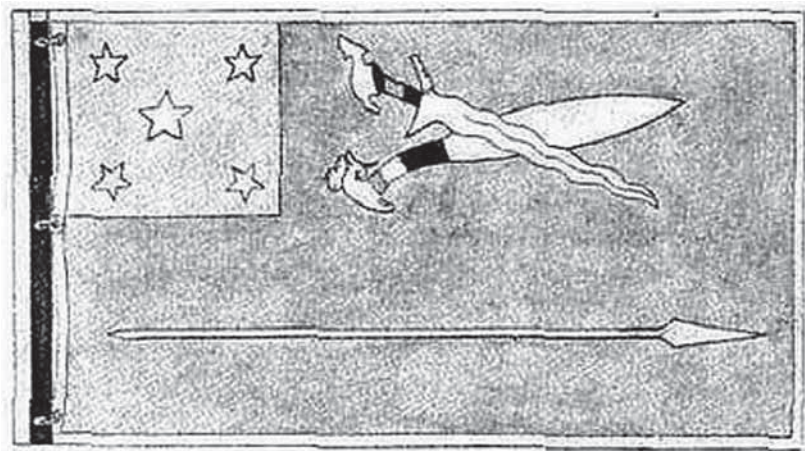

Рис. 5. Флаг султаната Сулу («американская» версия), опубликованный С. Оросой [Oroza 1931: 66]

Известные печати султанов Сулу в «испанский» и «американский» периоды лишены эмблематических изображений, они заполнены надписями, а присутствие рамок, разграничивающих линий и т.п. имеет сугубо служебный характер. Однако Ф.У. Бёрбридж, посетивший султанский дворец в 1877 г., зарисовал украшение портала в виде двух водных монстров (весьма сходных с существом на вышеописанном «флаге Холо»), поддерживающих круг с композицией султанской печати²¹.

и 1886–1894 гг.) вмешательством внешних сил. По-видимому, речь идет о сугубо современной, политически ангажированной мистификации.

²⁰ Как известно, в качестве специфического исламского символа полумесяц со звездой, преемственный к символике Константинополя и имеющий дохристианское происхождение, утвердился под османским влиянием. Признание таусугами и их соседями султана Турции в качестве халифа никоим образом не означало непосредственного импорта символики, и в результате полумесяц был в полной мере принят мусульманами региона довольно поздно.

²¹ URL: http://www.royalpanji.net/seals_and_sultans_of_the_royal_sultanate_of_.html, last accessed on the 21th of October, 2011.

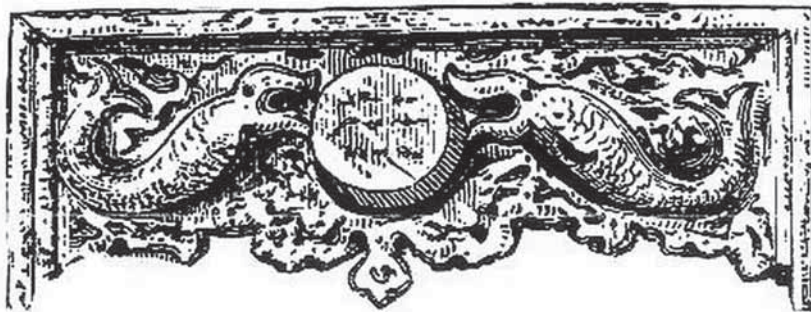

Рис. 6. Резное украшение портала султанского дворца, зарисованное Ф.У. Бёрбриджем. Сайт П. Паддеу Royal Panji

Передача Джамал-ул-Кирамом II²² в 1915 г. управления Сулу в руки США (по «соглашению Карпендера», о котором пойдет речь ниже) привело к радикальному сужению сферы употребления символов султаната. В 1936 г. подряд произошли события, не способствовавшие упорядочению облика и употребления символов Сулу: смерть бездетного Джамала II, а затем наследовавшего ему брата Муваллила Васита II (скончавшегося до коронации и, по-видимому, отравленного) и решение правительства Филиппин игнорировать светский статус султана. За этим последовали нестроения в династии, султанате и во всем мире. В ходе Второй мировой войны султанат был объектом притязания двух претендентов (прояпонского и проамериканского), ни один из которых не происходил из старшей ветви династии. В 1950 г., после восстановления на престоле королевской линии в лице султана Мухаммада Эсмаила («короля Измаила», сына и наследника Муваллила), флаг Сулу «американского» образца на некоторое время приобрел значение символа преемства, легитимности, но уже тогда его критиковали за несходство с более ранними (и более «индигенными») символами султаната.

²² Здесь и далее имена султанов приводятся с оглядкой на несколько факторов: корректность сокращений (несколько неестественно выглядит имя, заканчивающееся на артикль, который относится к следующему компоненту прозвания), установившиеся транслитерация и использование в текстах на европейских языках и, наконец, благозвучие. События логическое единообразие удалось не в полной мере.

При сыне Эсмаила, султанине Мухаммаде Махакутте (официально признанном, как и его отец, Филиппинами²³ и правившем в 1974–1986 гг.), была создана — с явной оглядкой на геральдические обычаи — эмблема-«печать» султана, четверочастная композиция которой включала полумесяц со звездой (наклоненный к центру печати), пейзаж с ладьей на фоне горы, якорь (с надписью «AD 1760»)²⁴ и барунг с крисом (сопровождаемые надписью «AH 1370»), по-видимому, имелось в виду легитимистская реставрация 1950 г.). Этой же эмблемой поначалу пользовался и сын Махакутты, нынешний глава династии наследный принц (*Raja Muda*) Муэдзул I (Муэд-з-ул Лаил Тан Кирам). Позднее, в 2010 г., для него была выполнена более декоративная и более «геральдичная» версия этой эмблемы, увенчанная короной.

Рис. 7. Эмблема султаната в конце XX — начале XXI в.

²³ Одновременно с признанием Махакутты султаном Филиппины признали наследником его сына Муэдзула. О признании Филиппинами султана как светского правителя и Сулу как государства в государстве см. ниже. Республика рассчитывала воспользоваться правами дома Кирамов на север Борнео. Помимо этого в 1970-х годах режим Маркоса был заинтересован в сотрудничестве с умеренными, традиционалистскими кругами таусугской аристократии — в противовес повстанцам.

²⁴ Замечательным курьезом является имплицитное отнесение слова «D[ominus]» к Христу в составе эмблемы исламского теократического правителя.

Рис. 8. Эмблема султаната, принятая в 2010-е годы

После смерти отца двадцатилетний принц Муэдзул столкнулся с очередным отказом филиппинского правительства признавать светский статус султаната и его главы. С точки зрения некоторых советников нового главы династии молчание республики (как сюзерена по отношению к султанату) делало сомнительной законность интронизации нового султана. По мнению других, султанат рисковал быть вовлеченным в противостояние сепаратистов и центра, и во избежание крайностей следовало воздержаться от активных действий. Принц Муэдзул предпочел отложить интронизацию, не отрекаясь от прав монарха Сулу, но и не принимая султанского и королевского титулов. Интронизация откладывается до сих пор, однако после 2000 г. принц совершил ряд шагов, направленных на обустройство династических и государственных дел²⁵, а к 2010 г. полностью принял на себя полномочия главы

²⁵ В частности, принц в 2004 г. назначил своего дядю, Мухаммада Фуада Кирама, представителем в Сабахе с делегированием суверенных прав в отношении этой территории и с титулом султана-регента. Принц Фуад, испросив это назначение у племянника, воспользовался случаем, чтобы объявить себя королем Сулу и Сабаха как двух отдельных султанатов и предложить в этом качестве свое содействие НФОМ. Эта попытка узурпации привела к отзыву назначения и всех делегированных ранее прав в 2006 г. Принц Фуад и сегодня продолжает заявлять претензии на Сулу и Сабах. Среди предпринятых им шагов — объявленное включение в состав королевской династии (в результате «династического усыновления») главы НФОМ Н. Мисуари и пожалование ему герба.

султаната. Ряд узаконений, принятых им в султанском совете (*Ruma Bichara*, своего рода курии — собрании верных ему князей²⁶ и сановников), касается геральдики и символики Сулу, и речь об этом пойдет ниже.

Многочисленные претенденты на престол, пользующиеся юридическими и фактическими неясностями в отношении статуса султаната и султана, используют собственные символы. Обычно в качестве флага Сулу они применяют «американскую» версию или какое-либо собственное изобретение, а иногда и более ранний флаг с белыми воротами Мекки (как правило, с ошибочно реконструированным сиреневым фоном вместо красного).

Суверенный статус султана

Прежде чем перейти к рассказу о реформах принца Муэдзула, имеет смысл пояснить то, в какой мере сегодня сохраняют свое существование сан короля-султана Сулу и сам султанат как «вассал» Филиппин. Речь здесь идет не о политике, а о букве права, конкретнее — о правовой основе геральдических и эмблематических практик. Как известно, наряду с гербовой теорией и гербовым искусством неизменным компонентом традиции (и неизменным фактором любого геральдического явления) должно быть гербовое право²⁷. Иногда гербовая практика опирается прежде всего на государственные акты, иногда — лишь на обычай и на частное право, но то, что совершенно лишено правового веса, не является в прямом смысле объектом геральдики.

В этом плане принципиален вопрос о том, является ли султан Сулу в светском отношении царствующим (хотя бы и номинально) монархом или же только главой правившей в прошлом династии. За свергнутыми монархами и их преемниками сохраняются некоторые суверенные права и прерогативы, но в весьма урезанном виде. К династии и ее главе относится «*trattamento reale*»

---

²⁶ Неудобство в употреблении несклоняемых терминов побуждает меня пользоваться в данной статье термином «князь» вместо таусугского термина «дату». Эта замена представляется мне достаточно адекватной.

²⁷ Эта триада, сформулированная в немецких трактатах («*Wappenkunde*», «*Wappenkunst*» und «*Wappengericht*»), хорошо известна российским читателям прежде всего благодаря Ю. Арсеньеву.

(титулы и протокольное обхождение), но с существенными ограничениями²⁸. Еще более ограниченной оказывается роль неправящего государя как *источника почестей* (*fontis honorum*): он не может создавать новые почести (титулы, награды и т.п.), хотя вправе распоряжаться установленными ранее, например жаловать и даже реформировать награды, учрежденные до свержения династии, или же распоряжаться династической титулатурой внутри своего родственного окружения исходя из фамильных традиций²⁹. На право жаловать гербы неправящий государь может притязать, за некоторыми исключениями, лишь в пределах собственной династии. Таким образом, геральдическая деятельность султаната Сулу прямо связана с его выживанием в качестве светского института.

Здесь стоит заметить, что одним из важных факторов сохранения светского статуса султанами Сулу считается их суверенитет в отношении Северного Борнео. Но в данном случае рассмотрение этого вопроса не представляется решающим, и я позволю себе вообще вынести его за скобки.

На протяжении истории султаната Сулу его монархи несколько раз ограничивали свои суверенные права и прерогативы, признавая верховную власть Испании, а затем США. Одной из проблем при рассмотрении этих договоров являются расхождения между текстами на языках обеих сторон. Этой особенностью были отмечены и договор с Испанией (1878), и так называемый трактат Бейтса (1899), которые с точки зрения Сулу подразумевали не передачу суверенитета в чужие руки, но лишь иностранный протекторат и практический раздел полномочий. В любом случае оба договора сохраняли Сулу как теократическую монархию со

---

²⁸ Так, традиция предусматривает отказ от использования наиболее высоких титулов («император», «король» и «величество») в отношении неправящих глав династий (кроме тех, кто успел получить эти титулы до изменения строя и сохраняет их пожизненно). Вместо королевских и императорских титулов в таких случаях используется «титул инкогнито», обычно один из ближайших титулов в династической иерархии (герцог Анжуйский — для главы дома Бурбонов, граф Парижский — для Орлеанского дома и т.д.).

²⁹ Эта тема чрезвычайно подробно представлена во множестве публикаций. Так, о династических орденах см.: URL: <http://www.icocregister.org/principles.htm>, last accessed on the 21th of October, 2011.

своими законами, территорией и системой управления. В 1904 г. трактат Бейтса был в одностороннем порядке расторгнут США. Султан безуспешно опротестовал это решение. В 1915 г. губернатор Минданао и Сулу Франк Карпентер вызвал султана Джамал-уль-Кирама II «с советниками и доверенными лицами» [Report 1916: 289] и настоял на подписании меморандума, известного как соглашение Карпентера.

То, что подписание этого акта стало отречением Джамала II от «всякого притязания на светский суверенитет», всячески подчеркивалось губернатором Карпентером [Report 1916: 286, 297]³⁰ и до сих пор обычно упоминается как несомненный факт. Между тем ни слово «отречение», ни его эквивалент не присутствуют в тексте меморандума [Report 1916: 297–298; Gowing 1977: App. D]. Собственно, документ содержит два принципиальных положения: во-первых, султану были гарантированы положение «духовного главы магометанской церкви» Сулу³¹, а его общине — обычные для США религиозные свободы; во-вторых, декларировалась полнота суверенных прав и власти США на всем архипелаге³² во всем том объеме, в каком США вообще пользуется своими суверенными правами («all the attributes of sovereign government that are exercised elsewhere in American territory and dependencies»).

Прежде всего бросается в глаза то, что соглашение никак не затронуло ни номинальные права султана (на титулование, фор-

---

³⁰ Речь идет лишь о территории, контролируемой американцами. Вопрос о суверенных правах Сулу в отношении Северного Борнео не был затронут соглашением, на это, в частности, прямо указывал Карпентер.

³¹ Точная формулировка оригинала — «the titular spiritual head of the Moham-
medan Church in the Sulu Archipelago». Слово «titular» в данном случае значит не «номинальный», а скорее «наделенный специальным званием». Документ упоминал как «права и привилегии», так и «ограничения», связанные с ролью религиозного лидера в американском праве. При этом нигде в документе не содержалось упоминания о том, что определение султана как религиозного лидера является исчерпывающим и что его статус отныне сводится лишь к статусу «главы церкви».

³² Суверенитет не является принципиально неделимым явлением, и признание такового за США не было фактором, с необходимостью вытеснявшим все суверенные прерогативы султана и светские права султаната. Достаточно упомянуть «ограниченный суверенитет», признаваемый в американском праве за индейскими племенами в пределах резерваций.

мальный королевский ранг и т.д.), ни его суверенные права в объеме, *не востребованном США*. Последнее в первую очередь касается дарования титулов, учреждения орденов и пожалования гербов.

Кроме того, следует учитывать, что с точки зрения традиционной доктрины исламской государственности султан — священный правитель, наделенный духовными и светскими правами глава общины верных. В этом плане он представляет собой духовно-светскую *persona mixta*, синтетический субъект права, подобно общеизвестным *personae mixtae* европейской истории: Святому престолу или Мальтийскому ордену. Как известно, их международно признанный суверенитет в принципе не зависит от обладания территорией: Святой престол сохранялся как аналогичный государству субъект международного права в период между уничтожением Папской области и созданием государства Ватикан, Мальтийский орден и сейчас не имеет территории. Экстраполяция этого принципа в исламский мир может иметь далеко идущие последствия³³, но вряд ли это причина для того, чтобы замалчивать проблему.

Сторонники принца Муэдзула (как и сторонники его «конкурентов») приводят и другие соображения в пользу неэффективности (или неполной эффективности) так называемого отречения 1915 г. Речь идет и о том, что предыдущие прецеденты с их языковыми казусами позволяли султану рассматривать очередное признание суверенитета США лишь как очередное введение протектората, и о том, что географическое определение «архипелаг Сулу» не затронуло несколько периферийных владений султана, и, наконец, о том, что внутренний документ Департамента, хотя бы и подписанный султаном, не мог менять органическое устройство султаната и тем более упразднить его³⁴. В качестве доказательства того, что султанат не прекратил свое существование в 1915 г., приводят и сохране-

³³ Стоит заметить, что это соображение в свое время стало одной из причин агрессивной позиции Ататюрка в отношении халифа Абдул-Меджида II.

³⁴ Карпентер позаботился о том, чтобы Джамал II подписал акт совместно с приближенными, но ничто не указывает на принятие решения султаном при формальном участии его совета. В этом плане договор Бейтса был составлен более предусмотрительно.

ние в публичном употреблении должностных званий («туана-панглимы» и т.п.) после подписания меморандума³⁵.

Джамал II дожил до 1936 года, доставшись «в наследство» от США автономному Филиппинскому государству, которое решило рассматривать следующего султана как частное лицо — и в итоге оказалось лицом к лицу с расколом таусугской общины. После получения Филиппинами независимости султан представлял для Манилы особенный интерес как обладатель верховных прав на земли Северного Борнео. В 1962 году вице-президент Э. Пелаэс на основании полномочий, делегированных президентом Д. Макапагалом, заключил с султаном Эсмаилом соглашение о передаче территории Северного Борнео и всех сопряженных с ней суверенных прав филиппинской республике³⁶. Состоявшийся обмен документами полностью подтвердил королевский статус султана (через употребление оборота «Его Величество»), тем самым дезавуируя «отречение» 1915 года. Позже, в 1972 году и по случаю интронизации нового монарха Сулу, Махакутты, в 1974 году³⁷, президент Маркос подтвердил признание султана и султаната (имеющего не только религиозные структуры, но и свое правительство) со стороны республики. Формально это признание, как и признание принца Муэдзула наследником Махакутты, никогда не отзывалось и не аннулировалось. Еще в конце правления султана Махакутты и особенно после его смерти в 186 году фактор *Realpolitik* пробудил активность альтернативных претендентов на трон. Филиппинская

---

³⁵ Этого не отрицали и сторонники политики губернатора Карпентера. С. Ороса, например, приветствуя «отречение» султана и падение «отжившего» режима, признает сохранение титулов и званий, пожалованных до 1915 г., хотя и настаивает на том, что султан более не вправе делать такие пожалования и назначения [Oroza 1931: 61].

³⁶ Территория Северного Борнео осталась под контролем Британии, а затем вошла в состав Малайзии как штат Сабах. Британская, а затем и малайзийская сторона признали верховные права султана, что выразилось в выплате ему ренты, но проигнорировали попытки султана и Филиппин изменить статус этих земель как отданных в вечную аренду. Существуют различные мнения насчет того, в какой мере передача прав султана Филиппинам состоялась, при том что вопрос об аренде так и не удалось пересмотреть.

³⁷ URL: <http://www.royalsultanateofsulu.org/#!news/vstc7=legal-documents>.

республика, время от времени оказывая (то на столичном, то на провинциальном уровне) те или иные знаки внимания то одному, то другому претенденту, устранилась от активного участия в решении этой проблемы. Вместе с тем принятый в 1997 году акт о правах коренных народов открывает привлекательную перспективу для интеграции султаната в легальную систему республики в качестве таусугской традиционной институции.

В завершение темы легитимности пожалований гербов (а также отражаемых в гербах титулов и орденских знаков) султаном Сулу следует подчеркнуть ошибочность обвинения этих пожалований в несоответствии конституции Филиппин. Согласно секции 31 статьи VI действующей конституции республики, не может быть принят закон, жалующий какой-либо монарший или дворянский титул. Но пожалования титулов султаном Сулу совершаются не в законодательном порядке, а в административном, имея основание не в писаном законе, а в исторически сложившихся обычаях.

Реформы 2011 г.

Зимой 2010–2011 г. ко мне обратились представители канцелярии принца Муэдзула с предложением «отредактировать» герб и флаг султаната. В первый момент я испытал неуверенность — сказались изобилие претендентов и проблемность статуса султаната. Меньше всего мне хотелось участвовать в проекте, способном приблизить гербы к объектам игр (в духе так называемых «микронаций») и тем более фальсификаций. Однако знакомство с документами позволило избавиться от сомнений и одновременно прийти к выводу: редактирования недостаточно, оба символа следует фактически разработать заново. В случае с гербом, на мой взгляд, предстояло избавиться от искусственного (с точки зрения гербоведения) помещения эмблем, не являющихся отдельными гербами, в разных полях, изменить фасон короны³⁸ и «дорастить» гербовое

---

³⁸ Корона, употреблявшаяся в символике султана и султаната перед этим, имела три видимых дуги, что соответствует королевскому сану в рамках британской модели, тогда как на европейском континенте типичный королевский венец имеет пять видимых дуг, а венец с тремя дугами часто служит инсигнией престолонаследника (Испания, Италия и др.) или принца/князя вообще. В соседней

убранство до полноты, подобающей королевству и королю³⁹. В случае с флагом следовало взять за основу композицию «американского» флага Сулу (для того чтобы подчеркнуть непосредственное преемство), но наполнить ее контуры с учетом более ранней традиции султаната. Мои предложения совпали с пожеланиями принца — изменить направление рогов полумесяца и более внятно связать герб и флаг в плане представленных на них эмблем и расцветок. Последовал обмен набросками, предложениями и замечаниями, а затем и проектами текстов, которые предстояло утвердить. Тексты актов, касающихся символики и тому подобных сюжетов, было решено и проектировать, и утверждать на английском языке⁴⁰. При этом несколько неожиданно для себя я был назначен членом совета в качестве постоянного консультанта принца по геральдическим вопросам. Конечным итогом стало утверждение герба и флага султаната. Посвященный гербу акт был принят 27 апреля принцем Муэдзулом (как султаном *de jure*) в королевском совете (RD I 2011, 5, 1) и вступил в силу 1 мая, одновременно аналогичным актом был утвержден и флаг. Отдельный документ был утвержден для регламентации употребления герба и флага⁴¹.

Малайзии султаны (имеющие при этом княжеский, а не королевский ранг) пользуются венцами разного типа — с тремя (Джохор), пятью (Тренггану, Келантан) дужками и вовсе без дужек (Селангор), а в качестве одного из знаков сана верховного правителя (короля Малайзии) используется, например на федеральных наградах, графический гибрид короны британского типа и каллиграфической виньетки. При всем этом в Испании (а также в Италии, Дании и др.) венец с тремя видимыми дугами принадлежит престолонаследнику.

³⁹ Структура герба предусматривает разнообразные включения, иногда просто дополняющие щит, иногда же специфически почетные: таковы щитодержатели, мантии и т.д.

⁴⁰ В работе над английским блазоном герба султаната я воспользовался любезными консультациями моих дорогих коллег Брюса Паттерсона (королевского канадского герольда — заместителя Верховного герольда Канады) и Ричарда Бейкера (директор Института геральдики и генеалогии, Кентерберри), которым выражаю глубокую признательность. Однако своеобразие некоторых форм и элементов, использованных в гербе, заставило меня решать большую часть возникавших вопросов самостоятельно, и в случае возможной критики итога этой работы ответственность лежит целиком на мне.

⁴¹ В духе традиционной геральдики этот акт исходит из того, что эталонной стилизации герба не может существовать и что его геральдическая идентичность определяется описанием.

Герб султаната, являющийся также гербом султана⁴², состоит в свою очередь из трех «первичных» гербов: с полумесяцем (герб, обозначающий духовный авторитет султана и одновременно служащий гербом хашемитского дома Кирамов), вратами Мекки (территориальный герб султаната Сулу) и крытой ладьей под зонтом (герб «части султаната-королевства Сулу, известной как территория Северного Борнео»). Трехполосное деление щита было заимствовано из мамлюкской геральдики. В династическом гербе месяц был дополнен «пламенем святости» — без него композиция выглядела бы слишком банальной. В центральном гербе произошло совмещение мотивов врат Мекки и Зульфикара, при этом было использовано сочетание цветов, привычное для флагов Сулу. Наконец, герб, обозначающий права султана на земли Северного Борнео, отдаленно перекликается с символикой компании Северного Борнео и с ранней версией герба Сабаха (там также присутствовала ладья), но более близкое следование «арендаторским» символам, по-видимому, было бы со стороны султана диспропорциональным. В выборе всех фигур и тинктур (гербовых цветов) принял самое деятельное участие принц Муэдзул. Им же было принято решение вовсе не использовать геральдический шлем в гербе султаната. Западный шлем смотрелся бы слишком раздражительным, а достаточно типичного таусугского эквивалента, который выглядел бы убедительно в этом качестве, по-видимому, просто не существовало. Отказ от шлема обернулся отказом также и от намета (шлемового покрывала), но не от нашлемника, было решено «по-английски» изображать нашлемную фигуру на бурлете (шлемовой повязке), как на подставке. Это стало наиболее откровенной данью геральдическому влиянию США и — косвенно — Британии, с той разницей, что в случае с гербом Сулу присутствие шлема даже не подразумевается. Его место в гербе султаната занял королевский сонгкок — церемониальная шапочка с шитьем и брошью. В самом же нашлемнике соединились Зульфикар как знак религиозной традиции и охраняемая им жемчужина, в данном случае символизирующая таусугскую культуру.

---

⁴² Принц Муэдзул все еще пользуется наследническим титулом, но, и как глава султаната, и как глава династии, располагает всеми геральдическими преимуществами правящего монарха.

Щитодержателями стали «морские тигры». Собственно, сперва я предложил пару слонов (по преданию, их завез на Сулу в конце XIV в. раджа Багинда, предшественник и тесть основателя хашемитской династии султанов [Oroza 1931: 23–24]). Но затем было решено, что прототипом щитодержателей должны служить морские чудища с дворцового портала. Однако для точной идентификации этих чудищ не доставало данных; гипотетическая расшифровка и геральдическая интерпретация их облика были бы слишком рискованны, а вносить заведомо недостоверные детали в герб султаната не стоило. Поэтому в итоге щитодержатели стали заведомо вольными отражениями загадочных морских чудищ — стражей дворца. Разумеется, подразумевается и аллюзия к льву-дельфину Филиппин, тогда как тигринный компонент выступает как коренной эквивалент львиного и одновременно, намекая на тигров в малайской геральдике, апеллирует к единству с сопредельными странами. Для того чтобы обеспечить место в гербе крису и копыю, уже присутствующим на флаге, эти атрибуты были вручены щитодержателям⁴³.

Кроме того, герб был дополнен короной, мантией⁴⁴, орденской цепью, пышным традиционным флагом-парусом (*самбулаяном*)⁴⁵

---

⁴³ Попытки оппонентов династии истолковать крис и копыя на флаге как символы разных линий наследования (см. выше, прим. 19) побудили принца, демонстративно сохранив этот знак, придать ему совершенно иное значение. Пользуясь потенциальным толкованием этих двух предметов вооружения как орудий ближнего и дальнего боя, я предложил рассматривать их как аллегория власти султана над близкими (к Холо) и отдаленными владениями и в этом качестве использовать как вспомогательный (по отношению к гербу) геральдический знак султаната.

⁴⁴ Зеленый цвет мантии был избран как соответствующий матерчатой подкладке короны (этот атрибут уже установился ранее), кайма по краю была добавлена по аналогии с полосой у древка — обычного элемента старых флагов Сулу, а языки пламени позаимствованы из династического герба. В качестве специфического варианта мантии, указывающего на суверенный статус, могла быть использована так называемая сень (мантия с куполом), однако в конце концов принц предпочел воспользоваться в качестве атрибута суверенного статуса гонфаномом, о котором см. в прим. 45.

⁴⁵ Этот флаг занял место вспомогательного атрибута суверенитета — «государственной хоругви», условного гонфанона, дополняющего или дополнявшего гербы ряда европейских монархий (Франции, Германии, Италии, России и др.).

и двумя девизами (собственно девизом и так называемым кличем).

В полном виде герб употребляется лишь на важнейших бланках, печатях и резиденциях и по наиболее торжественным случаям. Существует также малый герб (в его однополюном червленом щите присутствуют только врата Мекки под Зульфикаром); он изображается или без мантии, или без щитодержателей, и всегда без флага-паруса. Помимо этого предусмотрено, что и большой, и малый гербы могут изображаться в дальнейшем сокращении, без той или иной части принадлежащего им обрамления щита. При этом, однако, мантия не может изображаться без короны, нашьлемник и бурлет не должны разделяться, и в случае исключения мантии корона помещается над щитом вместо сонгкока и нашьлемника. Стоит заметить, что все эти условия и вольности изображения вполне соответствуют европейским геральдическим традициям, в данном случае безоговорочно принятым в качестве концептуальной основы.

Рис. 9. Малый герб султаната. Рис. автора

Как уже упоминалось, в убранство герба включена (в сильно стилизованной версии) орденовая цепь — наиболее парадный знак Королевского и хашемитского ордена Жемчужины. Разработка знаков и статута династического ордена династии Кирамов стала еще одной задачей, которую мне пришлось решать

весной и летом 2011 г. В случае статута моим соавтором стал мой лондонский коллега Рафал Хайдель-Манку, специалист в области международной орденской традиции, занявший в совете Сулу позицию шефа протокола и ответственного за международные связи⁴⁶. Свою основную цель я видел в том, чтобы представить орден, с одной стороны, как полноценный аналог европейских королевских наград, вполне сопоставимый с ними по тонкостям оформления, с другой стороны — как продолжение таусугских традиций, свободное от некритического заимствования европейских стереотипов. В силу этого я отказался от использования таких терминов, как «кавалер» (или «рыцарь») и «командор», а позиция султана в орденской корпорации была определена не как «великий магистр», но как «великий саид». В том, что касается облика знаков, я предпочитал учитывать широкий контекст, прежде всего высшие испанские ордена, британскую традицию и ее малайские рецепции. Заимствование стереотипов из различных источников⁴⁷ должно было в итоге исключить прямолинейную имитацию какого-либо одного иностранного образца. Учитывая риск дальнейших «колебаний» статуса и формального признания султаната, я предпочел определить его как династический орден, который *помимо того* принят в качестве высшей награды султаната. Девизом ордена стала формула «Вблизи и вдали», исходно связанная с эмблемой криса и копья, но применительно к ордену характеризующая прием членов в орден как из числа жителей Сулу, так и из достойных иностранцев.

---

⁴⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить дорогого коллегу за плодотворное и увлекательное сотрудничество.

⁴⁷ Так, идея выделить чрезвычайную, высшую степень ордена и снабдить ее лентой особой расцветки заимствована из Испании (хотя на ум приходят также прусские примеры и Таиланд); форма колодки низших степеней — в основе своей также «иберийская», с пряжкой, которая, однако, усложнена орнаментом; полные и особенно сокращенные наименования степеней и должностей в основном следуют британским образцам; выделение категории члена *jure sanguinis* — цитата из традиций духовно-рыцарских орденов; придание идентичного облика звездам первой и второй степеней выдает симпатию автора к российским императорским орденам и т.д.

Рис. 10. Герб главы династии как великого саида ордена Жемчужины. Рис. автора

Орден был основан и статут подписан 8 июля 2011 г., тогда же принц уже в качестве великого саида и во исполнение статута утвердил распоряжения, определившие вид знаков для членов ордена, а также герб и печать ордена. Знаки для должностных лиц ордена были разработаны мною в августе.

Еще до утверждения орденских документов стало ясно, что обе стороны довольны сотрудничеством и намерены его продолжить. Началось обсуждение других символов — штандарта султана, нескольких «меньших» наград, личных гербов для принцев и сановников султаната. Для того чтобы дать должную основу всей этой работе принц утвердил еще один акт — «Геральдический регламент» султаната (RD I 2011, 6, 1 от 1 июля). Написанный мною поначалу в виде справки, этот документ после минимального редактирования был превращен в королевский указ и теперь определяет официальный режим создания и использования гербов и иных геральдических символов в султанате.

Преамбула акта сообщает: «Традиция геральдики и гербов, зародившись в Европе XII века, вскоре оказалась подходящей и пригодной для исламских народов и была воспринята и развита монархами, князьями и знатью победоносных мамлюкских держав, а в более недавнее время — множеством исламских госуда-

рей, включая наших возлюбленных хашемитских кузенов — королей Иордании и Ирака. Хотя сегодня геральдические символы и их имитации используются и могут быть видимы повсеместно в мире, их использование часто бывает некорректным и лишенным всякой системы, или же унижительно подражательным по отношению к иностранным образцам. Поэтому мы сочли подобающим признать эту всемирную важность геральдических практик, принять и соблюдать общие геральдические установления в юрисдикции султаната и установить специальный отличительный свод правил для геральдики нашего султаната-королевства Сулу, что сделает геральдическую систему Сулу уникальной и доподлинно коренной и должно обогатить благородные обычаи и традиции народа таусугов и всего султаната Сулу».

Акт дает определение геральдики во вполне консервативном европейском ключе, определяет природу герба как почетного знака (с оглядкой на британскую доктрину — герб «отражает почести» и «сам по себе есть почесть»), устанавливает общее право на герб («I.3. Любое семейство или род благородного таусугского народа имеет право на герб, каковое право милостиво распространено на все семейства, члены которых или обитают в пределах нашего султаната Сулу, или имеют перед ним заслуги, или достаточно сильные связи с ним, независимо от происхождения, нынешнего положения в обществе и веры») и определяет соотношение между родовым и личным гербом. Указывается, что герб нельзя купить и продать и что он неотчуждаем иначе как решением султана. В плане структуры герба акт провозглашает принцип «один род — один неделимый герб» и формулирует исключения из него, заменяет шлемы сонгкоками, отражающими титул и ранг владельца (вслед за королевским гербом), устанавливает иные статусные и почетные атрибуты. Поясняется, что герб, установленный в юрисдикции Сулу, предназначен для использования в пределах султаната, *а также везде*, где такой герб не противоречит местным законам и обычаям. В отношении геральдических систем Филиппин и Малайзии геральдика Сулу позиционируется исходя из принципа автономии.

Акт также относит к геральдическим символам различные типы специальных геральдических флагов, «изобразительных

девизов» (badges) и ливрей (в позднесредневековом смысле слова, имеется в виду цветное и эмблематическое оформление униформ и связанных с ними знаков).

Помимо этого, акт устанавливает три способа приобретения герба в Сулу — путем суверенного принятия герба (самим монархом), пожалования (на основании монаршего распоряжения) и сертификации (осуществляемой уполномоченным чиновником без обращения к султану). Пожалование бывает необходимо, если обладатель герба имеет высокое достоинство (является принцем крови — «*королевским дату*» или жалованным князем — «*дату саджа*»), а также если предполагается внесение в герб каких-либо специальных знаков, связанных с государственной символикой Сулу и с особой милостью султана. В большинстве других случаев человек, желающий обзавестись гербом, может довольствоваться сертификацией.

Чиновник султаната (он же и династический чиновник при султанине), ответственный за геральдические дела и оформляющий пожалования и сертификаты, имеет звание гербового короля-хрониста⁴⁸ и специальное должностное имя «Врата» (*Lalabayan*)⁴⁹, по условному изображению врат Мекки в гербе султаната. Султан назначает его после обсуждения кандидатуры в совете, назначение делается на определенный срок или пожизненно, но всегда может быть отозвано султаном. В ведении Врат находится все геральдическое делопроизводство и вся деятельность других гербовых служащих, если таковых потребуются назначить. Он уполномочен толковать геральдические нормы применительно к реалиям и обычаям султаната. В своей работе Врата должен следовать не только законам Сулу, актам султана и своим профес-

---

⁴⁸ Гербовый король (*Rex armorum*) — принятое в геральдической традиции наименование высшего ранга гербовых служащих, стоящих выше собственно герольдов и ассистирующих им персевантов. Гербовый король-хронист — специфически испанское звание.

⁴⁹ Наделение гербовых служащих должностными именами — еще один старый геральдический обычай. Например, главный гербовый король Англии — Подвязка, гербовый король Шотландии — Лев (*Lord Lyon*), высшим гербовым служащим короля Франции при старом режиме был гербовый король Иль-де-Франса с именем Монжуа и т.д.

сиональным критериям, но и накапливающимся прецедентам, которые со временем призваны сформировать уникальный облик геральдики султаната. Памятуя о сложности геральдической терминологии и для того чтобы не делать таусугский язык объектом вынужденно спешных экспериментов, принц Муэдзул принял решение составлять блazoны гербов и бoльшую часть геральдических документов султаната либо по-английски, либо по-испански⁵⁰.

26 сентября 2011 г. были изданы первые пожалования — наследнику престола (*Maharaja Adinda*, de jure *Raja Muda*) и одному из «заморских» друзей султаната, удостоенному княжеского титула (*Datu Saja*). В итоге несколько неожиданного стечения обстоятельств оба документа были подписаны и скреплены печатью в стенах Петропавловской крепости. Если эмблематические новшества принца Муэдзула получают достойное воплощение и развитие, это обстоятельство станет не просто курьезом, но и замечательным символом сотрудничества, преодолевающего все преграды и расстояния.

Литература

Allan 1970 — Allan J.W. Mamluk Sultanic Heraldry and the Numismatic Evidence, A Reinterpretation // Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1970. Vol. 2. P. 99–112.

Boulton 2006 — Boulton J.D'A. The origins of a damnosa haereditas: the degeneration of heraldic emblematics in the United States and the origins of the sigilloid display-emblem, 1619–1798 // Genealogica & heraldica. Patrimoine du futur. Actes du XXVIe Congrès international des sciences généalogique et héraldique, Bruges, 2004. Vlaamse Overheid, 2006. P. 121–147.

Gowing 1977 — Gowing P.G. Mandate in Moroland: the American Government of Muslim Filipinos 1899–1920. Manila, 1977.

Jesús 1952 — Jesús P.D. de. España, en la heráldica de Filipinas // Numisma. 1952. II.3. P. 67–71.

Mayer 1937 — Mayer L.A. New material for Mamluk heraldry // Journal of the Palestine Oriental Society. 1937. Vol. 17. P. 52–62.

---

⁵⁰ Вслед за этим актом принц утвердил мое не ограниченное сроком назначение на пост *Lalabayan*'а. Должностной патент определил мои служебные полномочия несколько полнее и шире, нежели «Регламент».

Oroza 1931 — Oroza S.Y. The Sulu Archipelago and Its People. N.Y., 1931.

Pastoureau 1993 — Pastoureau M. Traité d'héraldique. 2me éd. P., 1993.

Report 1916 — [s.n.] Report of the Philippine commissions to the Secretary of War. 1915. Washington, 1916.

Trapero 2007 — Trapero M.R. La reforma monetaria de Felipe V: su importancia histórica // VI Jornadas Científicas Sobre Documentación Borbónica en España y América (1700–1868). Madrid, 2007. P. 383–402.